

MATERIÁLY

VII MEZINÁRODNÍ VĚDECKO - PRAKTICKÁ
KONFERENCE

«AKTUÁLNÍ VYMOŽENOSTI VĚDY – 2011»

27 června – 05 červenců 2011 roku

Díl 10 **Psychologie a sociologie** **Pedagogika**

Praha
Publishing House «Education and Science» s.r.o
2011

Vydáno Publishing House «Education and Science»,
Frýdlanská 15/1314, Praha 8
Spolu s DSP SHID, Berdianskaja 61 B, Dnepropetrovsk

**Materiály VII mezinárodní vědecko - praktická konference
«Aktuální vymoženosti vědy - 2011». - Díl 10.**
Psychologie a sociologie. Pedagogika: Praha.
Publishing House «Education and Science» s.r.o - 112 stran

Šéfredaktor: Prof. JUDr. Zdeněk Černák

Náměstek hlavního redaktor: Mgr. Alena Pelicánová

Zodpovědný za vydání: Mgr. Jana Štefko

Manažer: Mgr. Helena Žáková

Technický pracovník: Bc. Kateřina Zahradníčková

VII sběrné nádoby obsahují materiály mezinárodní vědecko - praktická konference «Aktuální vymoženosti vědy» (27 června – 05 července 2011 roku) po sekcích «Psychologie a sociologie». «Pedagogika»

Pro studentů, aspirantů a vědeckých pracovníků

Cena 270 Kč

ISBN 978-966-8736-05-6

© Kolektiv autorů, 2011

© Publishing house «Education and Science» s.r.o.

PSYCHOLOGIE TERORISMU

К.пс.н. Сунцова Я.С.

Удмуртский государственный университет, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА ТЕРРОРИЗМА

Одной из особенностей современной эпохи межэтнических отношений являются три основные тенденции. Первая из них заключается в том, что в сфере вооруженного противостояния все чаще возникают локальные конфликты с использованием ограниченного контингента войск. Второй тенденцией является то, что современные войны и вооруженные противостояния приобретают все более затяжной характер, при этом исход характеризуется специфическим феноменом «ни мира, ни войны». Третьей тенденцией является международный терроризм, который по своим масштабам и интенсивности, во всех формах и проявлениях, по своей бесчеловечности и жестокости превратился в одну из острейших проблем глобальной значимости.

Существует множество определений терроризма. ФБР определяет терроризм как «противозаконное применение силы или насилия против граждан или собственности с целью запугать или принудить к чему-либо правительство, население или какую-либо часть того и другого». Министерство обороны США определяет терроризм как «предумышленное применение насилия или угрозы насилия для нагнетания страха, с намерением принудить к чему-либо или запугать правительство или общество, в качестве средства достижения политических, религиозных или идеологических целей». Как отмечает М.М. Решетников, в наиболее общем виде можно было бы сформулировать определение терроризма следующим образом: «Терроризм – это любое насильственное действие, осуществляемое вне законодательства и культуры, основанное на угрозе и запугивании, при этом – непосредственные объекты насилия не являются главными целями исполнителей теракта и его заказчиков» [6].

Приведенное выше определение использовано не случайно, поскольку в нем упоминается понятие культура. Если рассматривать культуру как определенный набор ценностей, верований, норм и моделей поведения, которыми одна этническая группа отличается от другой [5], то стоит отметить, что ни в одной культуре мира в число базовых жизненных убеждений не входят ценности проявления насилия в межличностных и межэтнических отношениях.

Тем не менее, социолог Р.Д. Гастил в 70-х гг. XX в. обратил внимание ученого сообщества на роль культурных факторов, обуславливающих высокий коэффициент убийств на юге США. Причину этого феномена он видел в особен-

ностях южной культуры насилия, которое «наследуется» каждым, кто родился и вырос на юге США (приводится по [8]).

Л. Бэрон и М.А. Штраус [8] пришли к выводу, что в культуре существуют ценности и нормы, косвенно способствующие использованию человеком таких форм поведения, как агрессия и насилие. Профессор Университета Сиракузы Л. Крисберг [3] выводит причины насилия из культурных и социальных факторов как способов его легитимизации и источника появления.

С.В. Цыцарев [6] отмечает, что наиболее важное культурологическое объяснение террористического поведения вытекает из понимания различий в функции убийства внутри каждой культуры, например, понятие «кровная месть» существует в одних культурах и не обнаруживается в других. Также следует отметить и двойной стандарт на убийство, который типичен для определенных культур и нетипичен для других. Так, например, при ярко выраженном этноцентризме, убийство своего и убийство чужого могут быть психологически совершенно разными феноменами.

Чаше всего этнической базой терроризма становятся этносы, в силу особенностей исторической судьбы, заложившие в основание своей коллективной идентичности «витальную тревожность», то есть фоновый страх этнокультурной ассимиляции и физического исчезновения этноса. Реактивным оборачиванием и формой актуализации такого страха становится террор.

Норвежский социолог Й. Галтунг [9] выделяет особую форму насилия – культурное насилие, рассматриваемое им через аспекты культуры, которые могут быть использованы для оправдания убийств и нанесения телесных повреждений представителям других этнических групп, а также легитимизации репрессий и изгнаний, объявляя их жертвы язычниками, дикарями, атеистами и др. То есть, культура, с точки зрения Й. Галтунга, может выполнять роль легитимизации насилия. При этом легитимизация ведется посредством религии и идеологии.

Согласно Й. Галтунгу, источники насилия следует искать в концепции основных потребностей человека: выживание, благосостояние, свобода и идентичность. Полное удовлетворение основных потребностей составляет фундамент «позитивного мира», состояния, в котором отсутствуют проявления насилия, и устанавливается состояние мира, в котором присутствует справедливость. Нарушение хотя бы одной из потребностей ведет к появлению различных форм насилия, в том числе и терроризма.

Проявления межэтнических противостояний, в число которых входит и терроризм, могут быть вызваны различными психологическими причинами культурного уровня.

Одной из причин культурного насилия по О.Е. Хухлаеву [11] может выступить напряжение, вызванное распадом культурной «картины мира». Положение о том, что культура структурирует на самом глубоком уровне индивидуальную «картину мира» каждого человека является общепринятым в современ-

ных социальных наук. Во время резких изменений в культуре у большинства людей происходит утрата ориентиров, и соответственно они становятся практически неспособными, за отсутствием подходящих моделей, осознать сочетание своих прав и обязанностей. Возникает своего рода «идейное замешательство», поскольку привычные образы порядка или теряют актуальность, или оказываются дискредитированы.

Таким образом, распад культуры с неизбежностью ведет к необходимости индивидуальных изменений в картине мира каждого члена группы, что естественно рождает напряжение – настолько сильное, насколько значимыми оказываются перемены. Данное напряжение, так как оно охватывает значительное число членов одной этнической группы, зачастую легко может быть канализировано в сторону межэтнического противостояния, и реализоваться в виде этнического конфликта, либо террористических действий отдельной группы людей, как правило, с этноцентристской идентичностью.

Террор как способ решения различного рода проблем не является изобретением наших дней. Г. Зиммель утверждал [2], что на ранних стадиях культуры война являлась едва ли не единственной формой межгрупповых отношений. Организующим принципом первобытной культуры являлся универсальный для всех современных культур и этносов принцип разделения мира на сферы добра и зла. Содержание данного принципа имеет в настоящее время аксиологическую составляющую и выступает основой для разделения мира на «своих» и «чужих». Наличие чужого, непонятого, неизвестного порождало и до сих пор порождает страх и ненависть, проявляясь в сфере межэтнических отношений в виде ксенофобий. Примером актуализации этих представлений является исламофобия, поскольку желая того или нет, она выступает средством разделения мира на два лагеря.

Стремление победить, подавить, унизить, покорить на психологическом уровне выступают в виде реализации задачи по нейтрализации или уничтожению своего «двойника», то есть того, кто по отношению ко мне может реализовать те же самые формы поведения.

Е.Н. Яркова [10] отмечает, что для носителя архаичного сознания все проблемы выступали как результат действия злых сил, олицетворением которых являются «чужие», соответственно решение проблем могло быть реализовано только посредством непримиримой борьбы со злом. Принцип дуализма присущ любой архаичной культуре, в том числе и культуре народов Центральной Азии, Ближнего Востока и т.д. Автор отмечает, что культурную основу современного терроризма составляют архаичные манихейские представления, а сопутствующий терроризму фанатизм можно оценивать как один из атрибутов манихейского мировоззрения, несовместимого с идеей безусловной ценности человеческой личности.

Мани, древнеиранский вероучитель и пророк III в. н.э. в своем учении указывал на раздвоенность культуры, добро и зло рассматривал как два противостоящие

друг другу начала мироздания. Идея конфронтации, борьбы, вечного и непримиримого конфликта получает в манихействе онтологические формы. Манихейство, по своей сущности – это идеология конфликта, оно отрицает компромисс, толерантность, диалог, которые квалифицируются как проявления слабости, беспринципности, трусости, оппортунизма. Манихейская логика – средство, с одной стороны, консолидации людей на основе противостояния вымышленным или реальным врагам, с другой стороны, снятия социального напряжения, за счет ретрансляции негативных эмоций в сферу мифологических представлений.

Название учения Мани стало синонимом определенного типа логики культуры, отрицающей диалог, золотую середину, абсолютизирующей конфронтацию, борьбу. Составляя культурный архив, манихейство может актуализироваться на любом этапе истории. Манихейство – вечный соблазн культуры, который выражается в стремлении решать сложные проблемы, редуцируя, упрощая их до плоской древней идеи, что в любом случае есть виновник, который является ничем иным как персонификацией мирового зла [1]. Решение проблемы сводится в этом случае к выявлению, разоблачению, изгнанию, уничтожению зла. Образы врагов могут меняться в зависимости от ситуации, но сохраняется сам принцип истолкования действительности через борьбу двух мировых начал. Манихейство постоянно несет в себе стремление разделить людей на «хороших» и «плохих», «своих» и «чужих» что позволяет раз и навсегда решить все проблемы, истребляя последних.

Сила манихейства заключается в том, что оно реанимирует древнейшие культурные архетипы, структуры коллективного бессознательного, наполняя их актуальным содержанием. Слепой фанатизм – продукт манихейской логики, именно в рамках манихейских представлений страдания и боль одних людей могут служить предметом радости и торжества других [10].

Всплеск манихейства может инициироваться стимулами негативного характера: социальной, экономической, политической нестабильностью. Страны Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока представляют собой регион, где манихейская культура находит благодатную почву для расцвета своих идеалов по многим причинам. Важнейшая из них – необычайная актуальность в этом регионе трайбалистских представлений. Можно утверждать, что именно родоплеменные ценности занимают главенствующие позиции в культуре народов Афганистана (носителями этих ценностей являются, например, кочевники пуштуны – доминирующая этническая группа современного Афганистана), ментальность центрально азиатов включает в свое смысловое пространство идеалы трайбализма.

В частности, противостояние исламского мира Западу оценивается именно в трайбалистских категориях противопоставления добра и зла, света и тьмы, своих и чужих, правды и лжи. Например, лидер движения «Талибан» мулла Мохамад Омар в качестве одной из главных целей этого движения выдвигает «изгнание, искоренение зла» [7]. В рамках такого симбиоза трайбалистских

принципов и исламского дискурса выявляется некоторая глобальная дуальная оппозиция, ею становится оппозиция «мусульманский Восток – Запад».

В соответствии со взглядами отечественного этнопсихолога С.В. Лурье [4], существует центральная зона (константы) ментальности этноса. Эти константы включают систему образов, существующих не только на уровне сознания, но и на уровне коллективного бессознательного. К этим константам С.В. Лурье относит: локализацию источника добра; локализацию источника зла; представление о способе действия, при котором добро побеждает зло.

Таким образом, террористические движения основаны на нравственно-ментальных импульсах, внутренней ценностно-смысловой подоплеке, семантическом подтексте. Обращение к социокультурным аспектам современного международного терроризма представляется необычайно важным потому, что именно социокультурные аргументы способны объяснить некоторые необъяснимые с иных позиций явления современного мира.

Литература:

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т.2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. -С. 262.
2. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М., 1996.- С. 504.
3. Крисберг Л. Мировоззрение, миропонимание и разрешение конфликтов // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 28-32.
4. Лурье С. В. Историческая этнология. М: Гаудеамус, Академический Проект, 2004. 624 с.
5. Мацумото Д. Психология и культура. 1-е издание. СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
6. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. Проф. М.М. Решетникова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. – 352 с.
7. См. Интервью с амир-ом аль-Муминином (муллой Моххамедом Омаром – лидером движения «Талибан») пакистанских журналистов Назира Лагари и муфтия Джамиль Хана//Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Сборник документов и материалов / Сост. А.А.Князев.- Бишкек, 2000.- С. 70.
8. Baron L.&Straus M. A. (1988). Cultural and economic sources of homicide in the United States // The Sociological Quarterly. V. 29.
9. Johan Galtung. Small Group Theory and the Theory of International Relations. A Study In isomorphism // New Approaches to International Relations. Ed. by M. Kaplan. N. Y., 1968. P. 270-295, (Перевод О. Петрович.)
10. <http://ctaj.elcat.kg/tolstyj/e/e012.shtml>
11. <http://www.etnopsy.ru/>